

УДК 316.42

Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего**Щелкунов М.Д.**

Доктор философских наук, профессор,
академик Академии наук РТ, директор Института
социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Предметом анализа выступают общественные метаморфозы, вызванные необходимостью жизнедеятельности людей в условиях длительной социальной обособленности в опасной для них среде. Показано, что главный урон от пандемии понес человек массы как ключевой субъект потребительского общества. На примере системы высшего образования рассмотрены достоинства и недостатки деятельности, осуществляемой в удаленном формате. Обозначены социально-политические и личностные риски, порождаемые дигитализацией социума. Сделан вывод, что подавляющая часть общества в ходе «цифровой репетиции» выразила нежелание или неготовность стремительно перейти к цифровому существованию. Большинство индивидов предпочло оставаться в естественно сложившейся природно-исторической форме своего бытия, хотя и дополненной цифровым форматом.

Ключевые слова: дистанционная коммуникация, образование, общество массового потребления, онлайн, пандемия, социальная депривация, цифровизация.

1. Беспрецедентный вызов человечеству

2020 г. проходит под знаком глобального вызова – пандемии COVID-19. Биологическая субстанция совокупной массой порядка 1 грамма (!) в одночасье по историческим меркам опрокинула человечество в экстремальные условия бытия, заставив содрогнуться от картины происходящего и кардинально изменив образ жизни и сознание большинства народонаселения.

Пандемия стала главным фокусом рефлексии общественного сознания, представленной самыми различными – от обыденного до специализированных – дискурсами, в том числе научным. По понятным причинам лидируют медико-биологические (эпидемиологические, инфекционные, вирусологические, фармакологические и т.п.) исследования. Впрочем, не обнаруживается недостатка и в аналитике обществоведческого, особенно социально-политического, а также гуманитарного плана.

Предметом настоящей статьи являются социальные аспекты пандемии COVID-19. В первую очередь – общественные метаморфозы, вызванные не-

обходимостью выживания и деятельности людей в агрессивной, несущей угрозу здоровью и жизни человека среде, в состоянии длительной социальной обособленности (самоизоляции), социального рассредоточения. Последнее именуется феноменом социальной депривации и означает ограничение или полное исключение контактов индивида или группы людей с социумом. Уточним, что речь идет о предметно-чувственном общении человека с другими в реальном, физическом мире, в отличие от виртуальной онлайн-коммуникации людей. При этом способы и формы социальной депривации могут различаться по масштабу охвата общественных субъектов, уровню жесткости, длительности по времени.

Казалось бы, указанные обстоятельства экстремального типа не впервые возникают в истории землян. Только в XX-XXI вв. вирусные пандемии случались пять раз. К таковым, по решению Всемирной организации здравоохранения, были отнесены массовые заболевания испанским (1918-1920), азиатским (1957-1958), гонконгским (1968), свиным гриппом (2009), а также SARS (2002-2003). Состоя-

ния социальной депривации также не новы в жизни людей. Человечеству они давно известны по художественным произведениям, например, «Робинзону Крузо» Д. Дефо, «Маугли» Р. Киплинга и др. Научный анализ состояний упомянутого типа достаточно полно представлен в специальной литературе [1].

Однако пандемия COVID-19 по масштабам и степени влияния на общество и человека оказалась беспрецедентной. Она одновременно соединила в себе два противочеловечных компонента: а) опасность массового инфицирования малоизученным потенциально смертельным вирусным заболеванием, с которым система здравоохранения оказалась бессильна справиться в короткие сроки и надежными средствами; б) режим вынужденной глобальной социальной депривации, под который попали не только отдельные индивиды или группы людей, но население городов, регионов, государств, то есть практически всей планеты.

2. Под угрозой – общество массового потребления

Пандемия болезненно – в прямом и переносном смысле слова – затронула все сферы общественной жизни. Но в первую очередь она нанесла чувствительный удар по человеку массы (*crowd man*) – перемещающемуся в пространстве и времени в поисках товаров, гедонистических удовольствий и мимолетных впечатлений субъекту. В растиражированном облике молодого (или молодящегося) человека в полуспортивной форме, кроссовках, с рюкзачком за спиной и мобильным телефоном в руках, готового постоянно путешествовать в погоне за развлечениями, он стал главным символом общества потребления.

Коронавирусная атака стала грозным предупреждением этому массовому потребителю, заикленному на шопоголизме и вуайеризме. Говоря философским языком, она указала на тщетность избранного *homo consumer* варианта заботы о себе, когда «акценты смещаются с внутреннего на внешнее, являя жизнь личности как бытие-здесь-для-другого», а «задаваемые гламурными персонами образ(ц)ы жизни становятся объектами восхищения и дальнейшего копирования массовым сознанием» [2, с. 75].

Данное обстоятельство отчетливо обнаружило себя на примере отрасли услуг, в частности, сектора развлечений и досуга, где массовое непосредственное присутствие потребителей является неотъемлемым условием экономического успеха предприятия. Это – сфера туризма вместе со всей инфраструктурой: транспортом, гостиничным хозяйством, индустрией гостеприимства и общественного питания; спортивные представления; шоу-бизнес; система зрелищных учреждений; сеть торгово-развлекательных комплексов; ресторанное хозяйство; косметологические учреждения; парки развлечений, ночные клубы и т.п.

Наряду с сектором развлечений в незавидном положении оказались предприятия мелкого и средне-

го бизнеса – для успешной деятельности многих из них отсутствие потребителя «в живую» явилось невосполнимой потерей, повлиявшей на экономическую устойчивость.

Пострадали потребители – заемщики кредитов, составляющие одну из многочисленных категорий общества потребления. Жизнь «взаимы у будущего» оказалась совсем не такой привлекательной, как представлялось. Непредсказуемость вирусной атаки показала, что ставка на запланированное погашение заемных средств грозит неожиданно обернуться пожизненной кабалой для заемщика.

На этом фоне «неразвлекательные» гражданские сферы, занимающиеся «серьезными» вещами, пострадали относительно меньше. Причина в том, что они оказались связанными с деятельностью, которая либо не требует массового физического сосредоточения субъектов (наука, государственное управление, сельское хозяйство, крупные автоматизированные промышленные предприятия), либо более или менее успешно замещается дистанционными средствами коммуникации участников (образование, кредитные организации, интернет-торговля). Негражданские сферы (армия, полиция, другие силовые структуры) спасались жесткой дисциплиной и тщательным санитарным контролем. Что касается системы здравоохранения, оказавшейся на передовой линии сопротивления вирусу, то она противопоставила ему специальные средства защиты.

Помимо экономического урона, пандемия спровоцировала массовый психологический шок. Она развеяла повседневную празднично-фестивальную атмосферу потребительского общества. Приподнято-оптимистическое настроение людей сменилось всеобщим страхом, тревогой и пессимизмом.

Как бы то ни было, в качестве ключевого средства спасения общественного организма от социально-экономического коллапса был избран удаленный формат деятельности на основе ее форсированной цифровизации, то есть перевода в онлайн-режим. В этом отношении ситуацию с COVID-19 можно назвать первой глобальной репетицией возможного цифрового будущего человечества.

Результаты применения удаленного формата оказались неоднозначными. В сфере «серьезных» вещей с помощью цифровых способов коммуникаций урон, связанный с последствиями пандемии, удалось частично минимизировать. В то же время в сфере досуга и массовых развлечений цифровизация оказалась откровенно малоэффективной. Если онлайн-путешествия по туристическим или музейным достопримечательностям еще каким-то образом воспроизводят их дух, то видеорепортажи спортивных состязаний без болельщиков на трибунах стадиона, онлайн-трансляции шоу-представлений из пустых залов и другие импровизации на тему «смотрим на удаленке» иначе как нелепостью назвать трудно.

3. Система образования в удаленном доступе: цифровой формат

Для выявления достоинств и недостатков цифровизации уместно обратиться к сфере высшего образования. Сочетая в себе «серьезность» предмета с массовостью участников его освоения, высшая школа гораздо раньше многих сфер общественной деятельности начала примерять на себя возможности виртуального функционирования, используя онлайн-инструменты.

Пандемия невиданно ускорила этот процесс, не оставив образованию никаких альтернатив, кроме цифровой. В мобилизационном режиме вузам пришлось форсировать дигитализацию своей деятельности. В считанные недели были запущены цифровые технологии, которые годами не могли пробить себе дорогу в высшей школе. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Преимущества и достоинства цифрового образования связаны с когнитивным компонентом, то есть с обучением, и достаточно известны [3]. Отныне обязательное наличие цифровой среды в сфере образования становится необходимостью, а ее дальнейшее развитие артикулировано в качестве одной из приоритетных целей государства [4].

Что касается недостатков цифрового обучения, то к основным следует отнести:

– невозможность передачи студенту личностного, невербализуемого и неотчуждаемого в виртуальные формы знания преподавателя (*tacit knowledge*), которая осуществляется исключительно непосредственно (*face-to-face*) предметно-чувственным способом, а также исчезновение эффекта иммерсивности (погружения, вживания, эмпатии) при онлайн-взаимодействии преподавателя и обучающихся. Это объективно снижает качество обучения;

– трансформацию под влиянием ИТ-инструментов естественного способа мышления людей, подчинение его правилам работы компьютерного устройства. Итогом такого рода трансформации, по мнению А.В. Курпатова, становится потеря творческих способностей мышления и нарастающая «информационная псевдодебильность» или «цифровое слабоумие» людей [5];

– эскалацию феномена постправды (*post-truth*) по мере использования медиаконтентов в обучении. «Постправда конституирует такую ситуацию, в которой объективность фактов оказывается менее значимой, чем обращение к эмоциям и личным переживаниям потребителя, материал подается быстро с учетом отсутствия рефлексивного восприятия. На первый план выходит эффектность информации, а не ее достоверность» [6, с. 159]. В результате будет ослабляться значение общепризнанных критериев верификации объективного знания станут размываться проверенные временем стандарты демаркации между научным и ненаучным знанием,

что обернется в итоге снижением научной ценности обучения. Свежие примеры постправды – широко растиражированные экспертные заключения отдельными представителями научно-медицинского сообщества относительно различных сторон пандемии COVID-19, не получившие в итоге своего подтверждения.

Перспективы цифровизации образования выглядят весьма радужно. Пандемия рано или поздно закончится, а онлайн-обучение не только сохранится, но будет развиваться. Тому есть несколько причин. Во-первых, оно является своеобразной страховкой для субъектов образовательной деятельности от экстремальных ситуаций социальной депривации любого типа. Во-вторых, цифровое обучение невиданно расширяет границы образования, позволяя использовать в обучении многообразные медиасточники знаний. В-третьих, оно комфортно для участников образовательного процесса в самых разных аспектах [7, с. 109-112].

Но, пожалуй, главным образом цифровое обучение станет активно развиваться по экономическим причинам, поскольку представляет несомненный интерес для ряда значимых общественных субъектов: работодателей, ибо влечет удешевление подготовки и переподготовки работников; бизнес-компаний, занимающихся производством, организацией и продвижением онлайн-образования на рынке услуг; наконец, государства, поскольку существенно снижает затраты на содержание государственной высшей школы.

Между тем выгоды цифровизации для одних могут обернуться потерями для других. Так, дигитализация обучения невозможна без использования цифровых компетенций, требующих от участников образовательной деятельности некоего минимума специальных (технических, математических) знаний. В этом отношении представители гуманитарных отраслей находятся в заведомо невыигрышном положении по сравнению с «естественниками» и «технарями». Данное обстоятельство скорее всего приведет к дальнейшему сужению гуманитарного (в традиционном понимании) сектора образования. При этом не исключается его трансформация в некое подразделение «цифровой гуманитаристики».

Цифровизация образования чувствительно скажется на положении профессорско-преподавательского состава. Задолго до пандемии стал очевидным углубляющийся ментальный и культурный разрыв между обучающими и обучаемыми как следствие изменения образовательной парадигмы с конфигуративной на префигуративную [8]. При этом, как ни парадоксально, преподаватели – представители доцифровых поколений (цифровые «иммигранты») – продолжают заниматься обучением молодых людей (цифровых «аборигенов»), адаптированных к дигитальной среде в разы лучше своих наставников.

В недалеком будущем, вероятно, ускорится процесс замещения «иммигрантов» на преподавательских позициях в высшей школе повзрослевшими и получившими профессиональную квалификацию «аборигенами».

Вытеснит ли цифровой формат аналоговое (очное, живое) обучение? В ближайшее время вряд ли, более вероятно внедрение модели аддитивного типа: онлайн+офлайн. Показательно на этот счет высказывание известного педагога, отметившего в связи с вынужденным переходом к удаленному формату в образовании: «Ярые сторонники онлайн-обучения еще недавно были готовы насмерть сражаться с архаичными поборниками офлайна. Последние, убедившись в силу сложившихся обстоятельств... в эффективности такого подхода, стали активно осваивать онлайн. В свою очередь, адепты дистанционного обучения, продолжая долгое время пребывать в невольном заточении в своих квартирах, истосковались по живому общению» [9]. Государство в лице президента страны также вполне определенно высказалось за сохранение смешанного формата образования [10].

Далее. Образование – не только обучение, но и воспитание, в основе которого лежит постижение общественных, культурных, духовных ценностей. Освоение их, то есть превращение в личностное достояние индивида, возможно только в живой предметно-чувственной поведенческой форме. Константы гражданской, этнической, религиозной идентичности, нормы языкового общения, смысло-жизненные идеалы, паттерны поведения – эти и другие ценностные измерения личности формируются в совместном живом общении учащихся с вузовскими наставниками, между собой, и менее всего – посредством когнитивной коммуникации в виртуальном пространстве. Формула античного мудреца о взаимном тождестве знания и добродетели, увы, не подтверждается опытом человеческого существования.

Пандемия невиданно ограничила форматы живого общения. Тем не менее надежда на реанимацию воспитательной функции вуза остается. Но будет ли она востребована в прежних форматах? Цифровые «аборигены» все больше склоняются к виртуальной маркировке своих личностных и социальных идентификаторов. А с учетом ставки на цифровую панацею возможность репродуцирования этих маркеров в чувственно-предметной форме представляется все более проблематичной. На место предметно-чувственной социализации приходит цифровая. Насколько она будет эффективна с точки зрения воспитания – открытый вопрос.

4. «Вирусный шок» или цифровое потрясение?

Каковы бы ни были источники появления COVID-19 – естественными или созданными человеком, они являются показателями серьезного неблагополучия современной цивилизации. В первом

случае – кризисного, если не предкатастрофического состояния природных основ человеческого бытия. Во втором – попыток влиятельных общественных субъектов установления своего социально-политического господства с помощью биологического оружия.

«Репетиция» дигитального будущего подтвердила опасения, связанные с социальными и личностными сторонами человеческого бытия с цифровым обществом: эскалацию социального отчуждения, влекущую десоциализацию индивида; цифровое манипулирование сознанием людей; потерю приватности индивидуального бытия; создание глобальной системы тотального электронного контроля над человечеством [11].

Неслучайно в этой связи, общественное сознание весьма неоднозначно восприняло систему цифровой регуляции свободы передвижения граждан во время режима самоизоляции. Критическое отношение у многих вызвал Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», принятый весной нынешнего года. Согласно этому документу, на каждого гражданина соберут более 30 видов персональных данных, которые будут постоянно обновляться и храниться без возможности уничтожения в упомянутом регистре. При этом порядок предоставления сведений, содержащихся в регистре, а также их перечень становится прерогативой правительства – исполнительного, а не законодательного органа власти [12]. Некоторые исследователи связывают принятие этого документа с посягательством на незыблемость конституционных прав и свобод человека [13].

Общественная реакция на «цифровую репетицию» весьма показательна. Многие люди ощутили удобство и эффективность цифровой коммуникации, от которого вряд ли откажутся в будущем. В то же время очевидным стал внутренний протест подавляющей части общества против цифрового бытия в качестве основного способа жизнедеятельности. «Вирусный шок» обернулся цифровым потрясением. Большинство на личном опыте прочувствовало разницу между существованием в условиях родного, живого, привычного мира, с одной стороны, и неродной, временной, вынужденной виртуальной реальности – с другой.

Далеко не все согласились променять первое на второе, выразив нежелание или, по крайней мере, неготовность столь стремительно погрузиться в цифровое бытие. Люди предпочли оставаться в естественно сложившейся природно-исторической форме своего существования, невзирая на все прелести цифровой реальности. Человека и человечность удалось отстоять.

Это можно было бы считать знаком надежды. Но... цифровая репетиция продолжается.

Литература:

1. Алексеенкова Е.Г. Личность в условиях психической депривации. – СПб.: Питер, 2009. – 96 с.
2. Яковлева Е.Л. Диагностируя гламурную личность // SocioTime (Социальное время). – 2019. – № 3(19). – С. 75-86.
3. Игнатова Н.Ю. Образование в цифровую эпоху. – Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2017. – 128 с.
4. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». – URL: <https://yandex.ru/turbo/s/fzakon.ru/dokumenty-ministerstv-i-vedomstv/pasport-prioritetnogo-proekta-sovremennaya-tsifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-v-rossiyskoy-federatsii/>
5. Курпатов А.В. Чертоги разума. – Красногорск: Изд-во Капитал, 2018. – 408 с.
6. Орлов М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 155-161.
7. Николаева Е.М., Щелкунов М.Д. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты// Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – Т.157, кн.1. – С. 107-117.
8. Мид М. Культура и мир детства. – М. Наука, 1988. – 134 с.
9. Ямбург Е. В ожидании эры милосердия: пандемия дает шанс человечеству поумнеть. – URL: https://echo.msk.ru/blog/e_yamburg/2652319-echo/
10. Путин назвал провокацией слухи о том, что дистанционное образование заменит очное. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8528925>
11. Щелкунов М.Д., Каримов А.Р. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 158-164 .
12. Законопроект № 759897-7 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7>
13. Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. – М.: Книжный мир, 2019. – 320 с.

Society in the Context of a Pandemic: Testing the Digital Future

Schelkunov M.D.
Kazan (Volga Region) Federal University

The subject of the analysis is social metamorphoses caused by survival in a dangerous for human life environment through permanent social isolation. It is shown that the main damage from the pandemic was done to the crowd man as a key subject of consumer society. Using the example of the higher education, the advantages and disadvantages of digitalization are considered. Social, political and personal risks generated by digitalization are identified. It is concluded that during "digital testing" the majority of society expressed unwillingness to rapidly dive into digital life. People prefer to remain in the natural historical form of their existence, supplemented by a digital format.

Key words: distant communication, education, mass consumption society, pandemic, social deprivation, digitalization.

